

Научно-исследовательская
УДК 101.1:316
DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.01

КОНЦЕПТ ГАРАНТИРОВАННОГО БЫТИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

В. В. Васильев

Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
ул. Стара Загора, 76, Самара, Россия, 443081
E-mail: Vasilev-429@mgpu.ru
ORCID: 0000-0003-0643-8911

Г. Е. Козловская

Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
ул. Стара Загора, 76, Самара, Россия, 443081
E-mail: KozlovskayaGE@mgpu.ru
ORCID: 0000-0003-0643-8911

Аннотация. В статье исследован концепт гарантированного бытия в контексте советской социально-политической, экономической и культурной систем. Рассмотрены культурные коды советскости как элементы механизма регулятивного воздействия на индивидуальные и коллективные бессознательные и неосознанные состояния, адаптирующие человека к жизни в условиях усиления социальной неопределенности. Обоснован тезис, согласно которому социальная неопределенность может быть аккомодирована человеком к своему существованию, но не исключительно через обращение к культурным кодам и образам прошлого.

Ключевые слова: социальная неопределенность, гарантированное бытие, культурные коды, этос.

Для цитирования: Васильев В. В., Козловская Г. Е. Концепт гарантированного бытия и социальная неопределенность // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 8–18. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.01>

Scientific Research

UDC 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.01

THE CONCEPT OF GUARANTEED EXISTENCE AND SOCIAL UNCERTAINTY

Vladimir V. Vasiliev

Samara Branch of Moscow City University,
ul. Stara Zagora, 76, Samara, Russia, 443081

E-mail: Vasilev-429@mgpu.ru

ORCID: 0000-0003-0643-8911

Galina E. Kozlovskaya

Samara Branch of Moscow City University,
ul. Stara Zagora, 76, Samara, Russia, 443081

E-mail: Vasilev-429@mgpu.ru

ORCID: 0000-0003-0643-8911

Abstract. Problem and purpose. The concept of guaranteed existence is investigated in the context of the Soviet socio-political, economic and cultural systems. Cultural codes of Sovietness are considered as elements of the mechanism of regulatory influence on individual and collective unconscious and unconscious states that adapt a person to life in conditions of increasing social uncertainty. The thesis is substantiated according to which social uncertainty can be accommodated by a person to his existence not only through an appeal to cultural codes and images of the past.

Keywords: social uncertainty, guaranteed existence, cultural codes, ethos.

For citation: Vasiliev, V. V., & Kozlovskaya, G. E. (2022). The concept of guaranteed existence and social uncertainty. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (41), 8–18. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.01>

Общей тенденцией и неотъемлемой характеристикой современного российского общества становится усиление социальной неопределенности. С утверждениями об усилении и более частом проявлении феномена неопределенности согласно большинство отечественных ученых, анализирующих с совершенно различных позиций современные социальные отношения, явления и процессы.

В качестве примера можно привести высказывание Г. А. Воробьева: «В условиях социальных, экономических и политических перемен воспроизводство социальной реальности в российском обществе оказывается все более явно встроено в разнообразные векторы и уровни социального существования, испытывающие воздействие «сложной современности», где с различной степенью интенсивности проявляются социальная неопределенность, социальная дезорганизация, отклонение от нормы, казуальность, то есть нарастают энтропийные проявления и процессы» [Воробьев, 2016, с. 8].

Необходимо отметить, что в данных тезисах постоянно присутствует хронологическая составляющая. Ученые констатируют проявление неопределенности именно в настоящее время, сейчас, на современном этапе развития общества и т. д. Данные заключения, чаще всего базируются на сравнении с каким-то идеальным периодом стабильности и определенности. Особенно это характерно для исследователей социальной сферы, изучающих состояние молодежной среды, систему образования, социальные отношения и т. д.

За такое идеальное, стабильное и гарантированное общество, принимается советское государство, политическая и социально-экономическая система, образование, наука и культура которого выступали в качестве гаранта определенности, стабильно и четко определяли векторы существования и развития как отдельных социальных групп, так и конкретного человека.

Начало 90-х годов XX века во многом стало переломным и определило новые направления развития Российского государства и общества. «Прекращение существования Союза кардинальным образом изменило военно-политическую конфигурацию мира, придало сильный импульс процессам глобализации экономики и одновременно развитию регионального сотрудничества. Прошедшее после этого десятилетие показало большую неопределенность развития государств, возникших на бывшем советском пространстве, и их зависимость от внешних экономических и политических воздействий» [Вардомский, 2002, с. 18].

В данной статье нет необходимости рассматривать процессы, которые привели к распаду Советского Союза. В современной историографии написано немало работ, посвященных «одному из крупнейших геополитических событий в мировой истории XX века» (устоявшееся выражение, широко используемое как государственными деятелями, политиками, так и учеными), в которых, однако, нет его однозначной оценки. Несмотря на видимое отсутствие объективности и единодушия в рассмотрении экономических и политических процессов, которые привели к подписанию соглашения в Беловежской пуще в 1991 году, в современном российском обществе утвердилось еще одно идеологическое клише — «лихие 90-е», — которым характеризуется период становления новой российской государственности, в основе которой лежали демократические принципы (в общественно-политической жизни) и рыночные отношения (в экономике).

«В России становление современной политической системы совпало по времени с рыночными экономическими преобразованиями. Новая система начала формироваться практически мгновенно после разрушения партии-государства» [Воробьев, 2017]. При этом указанный период противопоставляется как современным стабильным общественно-политическим отношениям, так и советскому периоду российской истории.

Необходимо отметить, что значительная часть населения современного российского общества родилась и жила в период существования советского государства, т. е. обладает реальными воспоминаниями, материальными и духовными фактами (артефактами), унаследованными от Советского Союза. Кроме этого, наметилась четкая тенденция в среде современных школьников и студентов,

родившихся после или гораздо позже распада советского государства, на идеализацию существовавших в СССР политических, экономических и социальных отношений. Источником подобной идеализации выступают как сами носители исторической памяти (родственники и знакомые), так и современные средства массовой информации, а также произведения массового искусства, в частности кинофильмы, телевизионные сериалы и т. д.

Казалось бы, зачем большинству населения современного государства актуализировать для себя и идеализировать период истории, который остался в прошлом, пускай и не очень далеким, пережитки и недостатки которого так активно пытались преодолеть и забыть в 90-е годы? Ответ может лежать в той же плоскости социально-экономических отношений, процессов, которые протекают в современной России. «В настоящее время мир находится в состоянии неравновесия, в связи с чем у людей теряется уверенность в будущем, и они находятся в постоянном напряжении, пытаюсь обеспечить себе необходимое постоянство» [Пецева, Самыкина, 2018].

К подобным выводам приходит и Н. Л. Смакотина: «Зримым проявлением этой “новой” реальности становится превращение общества в общество риска, сферу “рискованного бытия”, экономики — в “экономику неопределенности”, а человека — в несuverенное в рамках социальной реальности, “нефиксированное” в природе существо» [Смакотина, 1999].

Достигнутая политическая стабильность не приносит видимых и ощутимых для большинства населения положительных эффектов или результатов. Снижение уровня, качества и продолжительности жизни, отсутствие прозрачных социальных лифтов, проблемы образования, здравоохранения и т. д. — вот тот неполный перечень факторов, не позволяющий сделать вывод о том, что принесенные жертвы, понесенные издержки предыдущих периодов оправданы.

Неопределенность современности обостряется частотой и усложнением глобальных мировых процессов, в числе которых: политические (построение постбиполярной системы международных отношений), социальные (массовые миграции) и экологические (изменение климата и пандемия). На геополитическом уровне возможно говорить о том, что Россия, обладая достаточными ресурсами, в том числе информационными и интеллектуальными, перестает быть лидером на постсоветском пространстве, уступая эту роль прежде всего западным партнерам и конкурентам.

Л. Б. Вардомский констатирует: «В целом можно утверждать, что за десять лет после исчезновения СССР постсоветское пространство стало более дифференцированным, контрастным и конфликтным, бедным и одновременно менее безопасным. Пространство, создававшееся в течение столетий, довольно быстро утратило экономическое и социальное единство. Обнаружилось также, что по основным социально-экономическим показателям все постсоветские страны сместились на периферию мировой экономики» [Вардомский, 2002].

Исходя из этого, по мнению Н. Л. Смакотиной, возникает необходимость выработки технологий и механизмов, адаптирующих человека к жизни в условиях неопределенности, к действиям в ситуациях риска и неопределенности [Смакотина, 1999]. Таким механизмом становится сформировавшееся коллективное представление о советском периоде российской истории как «золотом веке», периоде стабильности, социальной определенности.

Подобное отношение к социально-историческим процессам укладывается в концепцию гарантированного бытия, сформулированного рядом исследователей. В частности, А. П. Андреев и З. Я. Рахматуллина рассматривают данный концепт через призму традиций, считая гарантированное бытие глубинной антропологической и экзистенциальной потребностью индивида, такой же, как потребности в самодостаточной интеграции индивидуального существования человека, в поиске его идентичности [Андреев, Рахматуллина, 2009].

Н. Л. Смакотина исходит из понимания гарантированного бытия как концепта, на который был ориентирован классический и неклассический этапы осмысления развития человеческой культуры и цивилизации, в разные исторические эпохи в качестве гарантов которого выступали Бог, государство, традиции [Смакотина, 1999]. Постнеклассическая современность, по мнению исследователя, характеризуется как негарантированное бытие, признаками которого выступают: неопределенные параметры бытия, отсутствие общепризнанных гарантий, нестабильности социальной реальности [Смакотина, 1999].

Согласно концепции Н. Л. Смакотиной во все времена в основе деятельности человека, в том числе в условиях неопределенности, должна лежать рациональность. Но если в классический и неклассический периоды в основе рационального поведения лежало когнитивно-понятийное моделирование социальной реальности в образах структур и процессов, то постнеклассический период основывается на возможности регулятивного воздействия не только на сознание, но и на индивидуальные и коллективные бессознательные и неосознанные состояния [Смакотина, 1999].

Таким образом, представляется возможным использовать концепт «гарантированное бытие» в качестве понятия, тождественного явлению социальной определенности, проявлением которой в общественном сознании стал советский период российской истории.

Следует отметить, что гарантированное бытие, представленное Н. Л. Смакотиной как «социальное согласие и солидарность», рассматривается через понятие «этнос» — феномен, задающий возможность достижения солидарности через настройку индивидуальных переживаний реальности на коллективную волну [Смакотина, 1999] и, по моему мнению, может включать в себя более частные составные единицы — культурные коды, также предполагающие обращение особого внимания на формирование коллективных бессознательных представлений об отдельных объектах социальных отношений.

Целесообразным видится представление несколько подходов к рассмотрению и пониманию такого явления, как культурный код.

Во-первых, эпистемологический подход, понимающий культурный код как сумму гуманитарного знания субъекта, обеспечивающую его тождественность мировосприятию социальной группы (этнос, нация, социальная группа и т. д.), к которой он принадлежит.

Во-вторых, психологический, в основе которого — набор образов и общественных стереотипов на уровне общественного бессознательного, кодирующих поведение (в том числе и на этническом уровне).

В-третьих, социологический, анализирующий культурные коды через призму специфических социальных практик, определений, оценок, идентификаций, выбора действий, с которыми в целом согласны все носители данного культурного кода.

И, наконец, информационно-коммуникационный, рассматривающий культурные коды, как передачу информации о социокультурной идентичности (принадлежности индивида, объекта или явления к определенной культуре), закодированную в форме коммуникационных знаков (воспринимаемых образов).

Актуализация культурных кодов осуществляется в условиях необходимости идентификации, понимания значимости социального явления, оценки, выявлении смысла, выбора варианта поведения и проявляется через социальные институты, а также имеющиеся идеалы или ценности.

Лежащие в основании культурных кодов прецедентные феномены, по утверждению А. М. Клименковой, выполняют роль эталона культуры, функционируют как свернутая метафора и выступают как символ какого-либо феномена или ситуации [Клименкова, 2013].

Культурные коды как продукт постнеклассического осмысления мира, социальных явлений, ориентирующиеся и сформировавшиеся под воздействием коллективного бессознательного, могут использоваться для формирования представлений о возможности советского гарантированного бытия как своеобразного недостижимого идеала, с помощью которого преодолевается или по крайней мере снижается социальная неопределенность современности.

Для современного человека сложно конструировать структуры и процессы советской действительности, которые к тому же не укладываются в современную общественно-политическую жизнь. Но справедливости ради необходимо отметить, что попытки подобного моделирования начинают предприниматься, примером тому являются практики возрождения детских общественных организаций, военно-спортивные движения, актуализация в общественном сознании факта преемственности некоторых государственных структур и организаций и т. д. При этом нежелание объективного сравнительного анализа различных аспектов и количественных параметров советского социума и современного состояния общества объясняет бытовое отношение, бессознательное восприятие и трансляцию элементов поведения, реагирования и оценочного отношения ко всему советскому, становится тем наиболее распространенным способом преодоления негарантированного бытия. Можно констатировать

некритическое доминирование превосходных положительных оценочных характеристик советского периода отечественной истории, ностальгии по социалистической стабильности и возможности планировать свои действия на длительное время. С одной стороны, большинством понимаются превосходящие в настоящем потребительские возможности, но с другой — согласие с тем, что относительное благополучие может одномоментно прекратиться по независящим от человека причинам (пандемия, локдаун, цена на нефть, мировой ипотечный кризис и т. д.).

Более четкому пониманию концепции гарантированного бытия через призму советского общества позволит рассмотрение ряда примеров культурных кодов, сформировавшихся в Советском Союзе и актуализирующихся в настоящее время. Представленные культурные коды формировали и пронизывали практически все сферы жизни советского общества.

Один из самых распространенных культурных кодов — «общественно-полезный труд», «труд на благо Родины и коллектива», — актуальный на территории всего бывшего СССР, противостоящий современному коду «общество потребления». Не менее распространенной была уверенность в том, что советский народ живет в «самой лучшей стране», при «самом лучшем строе», а существующая власть «лучше всех заботится о народе». Мифологемой существования противников советской власти — «врагов народа, антисоветчиков и диссидентов» — пытались объяснить существовавшие проблемы.

Культурные коды, производные из понятия «равенство» обеспечивались рядом общепонятных идеологических принципов, подкрепленных экономическими и социальными гарантиями. К ним можно отнести следующие коды:

– номенклатурная система социального лифта, в основе которой лежали понятные условия соответствия необходимым характеристикам для прохождения четко определенных этапов;

– гарантированная стабильная работа для 90 % населения на промышленном предприятии: заводе или фабрике, в деревне, в учреждении, с возможностью прогнозирования на годы и десятилетия своей заработной платы, возможности карьерного роста (повышении разряда, должности и т. д.), а также получения бесплатного жилья;

– порядок и дисциплина на производстве: «вот раньше-то порядок был», который сменился промышленными авариями и катастрофами различного масштаба (если быть точным, доступной информацией о них);

– гарантированное и обязательное среднее образование, при этом высшее образование рассматривалось как необходимое условие социального лифта, изменения социального статуса, материального положения и возможного попадания в элиту;

– фундаментальность образования (изучение классической русской и советской литературы, серьезное физико-математическое образование) как способ формирования приоритетных культурных кодов;

- приоритетные воспитательно-идеологические функции советской школы (культурные коды «пионерский галстук», «значок октябренок» и т. д.);
- идеализация образа учителя и нравственная проблематика школьного образования в советском кинематографе;
- советские стереотипы потребления (походы в магазины, очереди, изобилие однообразных товаров, «доставание» дефицита) вступающие в диссонанс с современным потребительским поведением, в условиях доступности всего и низкой финансовой возможностью большинства населения, по причине невключенности в рыночные отношения с возможностью обеспечения достойного материального уровня;
- унификация одежды или ее элементов (школьная, спортивная и военная форма), выполняющая воспитательную и интегрирующую функции, при гарантированной возможности приобретения (культурный код советской школьной формы на последнем звонке);
- гастрономические пристрастия и кулинарные предпочтения советского периода, сформированные на основе примерно одинакового и постоянного набора продуктов, незначительно отличавшегося, даже в условиях различных материальных возможностей и системы общественного питания, гарантированного социального преимущества (заводские столовые, талоны на питание для студентов, детское питание на молочных кухнях);
- относительная дешевизна и доступность алкогольных напитков в советский период, что выразилось в формировании нескольких культурных кодов, а также в резко-негативном отношении к руководству страны и неприятию антиалкогольной кампании во второй половине 80-х годов XX века.

Следует отметить значительную роль СМИ, особенно телевидения, в создании, сохранении и трансляции советского культурного кода, которое можно рассматривать в качестве одного из факторов создания представления о гарантированной советской стабильности, которое в настоящее время активно поддерживается и культивируется многочисленными телевизионными каналами.

Безусловно, как уже отмечалось в начале статьи, многие социально-экономические, политические, культурные, а также бытовые советские явления и процессы воспринимаются излишне идеализированно. Но, следует отметить, основа этой идеализации заложена через индивидуальное, личное, субъективное восприятие и переживание этого периода значительной частью российского общества и оказавшее влияние на формирование коллективных представлений о гарантированном бытии, противопоставляемом современному состоянию социальной неопределенности.

Культурный код советскости на бытовом уровне обеспечивает существование своеобразного постоянного сравнительно-оценочного процесса, а также попытки возрождения элементов системы советских социально-политических отношений, экономических и социальных практик, технологий образования и воспитания.

Идеализация советской системы представителями поколения, родившихся и живших в рассматриваемый период, во многом психологически объяснима. Механизмы самозащиты сознания приводят к запоминанию преимущественно положительных и приятных моментов в жизни, не сохраняя плохое; кроме этого, с возрастом теряется острота восприятия мира в целом.

Помимо этого, вступает в действие эффект предвзятости подтверждения — когнитивное искажение, когда человек стремится искать, интерпретировать и отдавать предпочтение такой информации, которая согласуется с его точкой зрения или убеждением. Таким образом, представление о советском гарантированном бытии противопоставляется резко отрицательно характеризующемуся негарантированному современному.

Подобная упрощенная трактовка, кодификация сознания, способна на какое-то время положительно повлиять на общественное сознание части общества, нивелировать остроту социальных проблем, посредством советских культурных кодов реконструировать, воссоздать отношения и сгладить противоречия. Но использование однажды придуманных культурных кодов, в том числе и советских, не позволяет решать все проблемы неопределенности общества, значительно трансформировавшегося за несколько десятилетий после распада Советского Союза, и будет серьезно препятствовать социальным инновациям.

Подобный вывод подтверждается рядом исследователей. Понимая, что социальная неопределенность становится одним из условий и обстоятельств функционирования общества в контексте социокультурных изменений российской социальной реальности, Г. А. Воробьев, И. В. Печкуров и М. А. Гнатюк приходят к выводу о том, что решению остро стоящих перед Россией задач, связанных с формированием гражданского общества и правового государства, переходом к инновационной экономике и модернизационному прорыву, такой формат реставрации исторической памяти не поможет. Обращенность в прошлое как основание для развития настоящего и перехода к нормальному обществу не является в принципиально изменившихся условиях эффективным способом социальной регуляции и управления социальными процессами [Воробьев, Печкуров, Гнатюк, 2017].

На схожих позициях стоит и А. В. Пелин, заключающий, что «вступая на путь последовательного модернизма, общество должно отдавать себе отчет, что возвращение к традициям, как средству преодоления неопределенности будет недопустимо» [Пелин, 2003].

Подводя итог рассмотрению концепта гарантированного бытия и его роли в формировании чувства определенности, можно сделать вывод о том, что социальная неопределенность может быть адаптирована человеком к своему существованию, но не исключительно через обращение к образу прошлого, и согласиться с Н. Л. Смакотиной, которая считает, что «многочисленные ситуации неопределенности могут быть эффективно разрешены через механизмы функционирования развитого гражданского общества» [Смакотина, 1999, с. 41].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев А. П., Рахматуллина З. Я Антропоцентрическая сущность традиции [Электронный ресурс]. URL: <https://smekni.com/a/229515/antropotsentricheskaya-sushchnost-traditsii/> (дата обращения: 10.01.2022).
2. Вардомский Л. Б. Десять лет после распада СССР: некоторые результаты и перспективы эволюции пространства СНГ [Электронный ресурс] // РСМ. 2002. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/desyat-let-posle-raspada-sssr-nekotorye-rezultaty-i-perspektivy-evolyutsii-prostranstva-sng> (дата обращения: 26.11.2021).
3. Воробьев Г. А. Социальная энтропия в предметном пространстве социально-философского изучения // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 5 (58). С. 7–16.
4. Воробьев Г. А. Социальная энтропия и социально-политическая неопределённость в пространстве воспроизводства социальной реальности в Российском обществе // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 11–20.
5. Воробьев Г. А., Печкуров И. В., Гнатюк М. А. Специфика энтропийных процессов в российском обществе в условиях вызовов современной реальности [Электронный ресурс] // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 2–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-entropiinyh-protsesov-v-rossiyskom-obschestve-v-usloviyah-vyzovov-sovremennoy-realnosti> (дата обращения: 12.12.2021).
6. Клименкова А. М. Культурные коды как факторы формирования ценностных ориентаций [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-kody-kak-factory-formirovaniya-tsennostnykh-orientatsiy> (дата обращения: 05.11.2021).
7. Пелин А. В. Неопределенность как ядро новой социальной парадигмы [Электронный ресурс] // Публикации и исследования Александра Пелина: [сайт]. URL: <http://a-pelin.info/?go=pub&item=50> (дата обращения: 09.12.2021).
8. Пецева О. С., Самыкина Н. Ю. Возрастные особенности толерантности к неопределенности // Человек в условиях неопределенности: сб. науч. тр. в 2 т. Т. 2. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018. С. 62–66.
9. Смакотина Н. Л. Рациональное поведение в условиях неопределенности: методология социологического и социально-психологического анализа: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01. М., 1999. 41 с.

References

1. Andreev, A. P., & Rakhmatullina, Z. Ia. (2009). *Antropotsentricheskaya sushchnost` traditsii* [Anthropocentric essence of tradition]. (In Russian). Retrieved from: <https://smekni.com/a/229515/antropotsentricheskaya-sushchnost-traditsii/> (accessed: 10.01.2022).
2. Klimenkova, A. M. (2013). *Kul`turnye kody kak factory formirovaniia tsennostnykh orientatsii* [Cultural codes as factors in the formation of value orientations]. *RUDN Journal of Sociology*, 2. (In Russian). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-kody-kak-factory-formirovaniya-tsennostnykh-orientatsiy> (accessed: 05.11.2021).
3. Pelin, A. V. (2003). *Neopredelennost` kak iadro novoi sotsial`noi paradigmy* [Uncertainty as the core of a new social paradigm]. *Publications and research by Alexander Pelin*: [website]. (In Russian). Retrieved from: <http://a-pelin.info/?go=pub&item=50> (accessed: 09.12.2021).
4. Petseva, O. S., & Samykina, N. Yu. (2018). *Vozrastnye osobennosti tolerantnosti k neopredelennosti* [Age characteristics of uncertainty tolerance]. *Person in the conditions*

of uncertainty. Proceedings of scientific-practical conference with international participation, 2, 2, 62–66. (In Russian).

5. Smakotina, N. L. (1999). Ratsional'noe povedenie v usloviakh neopredelennosti: metodologiya sotsiologicheskogo i sotsial'no-psikhologicheskogo analiza [Rational behavior under uncertainty: methodology of sociological and socio-psychological analysis]. *Extended abstract of Doctor's thesis*: 22.00.01. Moscow. (In Russian).

6. Vardomskiy, L. B. (2002). Desyat' let posle raspada SSSR: nekotorye rezul'taty i perspektivy evolyutsii prostranstva SNG [Ten years after the collapse of the USSR: some results and prospects for the evolution of the CIS space]. *Russia and the contemporary world*, 2. (In Russian). <https://cyberleninka.ru/article/n/desyat-let-posle-raspada-sssr-nekotorye-rezultaty-i-perspektivy-evolyutsii-prostranstva-sng1> (accessed: 26.11.2021).

7. Vorobiev, G. A. (2016). Sotsial'naya entropiya v predmetnom prostranstve sotsial'no-filosofskogo izucheniia [Social entropy in the subject space of socio-philosophical study] // *P.O.I.S.K.: Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture*, 5 (58), 7–16. (In Russian).

8. Vorobiev, G. A. (2017). Sotsial'naya entropiya i sotsial'no-politicheskaya neopredelennost' v prostranstve vosпроизводства sotsial'noi real'nosti v Rossiiskom obshchestve [Social entropy and socio-political uncertainty in the space of reproduction of social reality in Russian society]. *The Humanities and social sciences*, 4, 11–20. (In Russian).

9. Vorobiev, G. A., Pechkurov, I. V., & Gnatyuk, M. A. (2017). Spetsifika entropiinykh protsessov v rossiiskom obshchestve v usloviakh vyzovov sovremennoi real'nosti [Specificity of entropy processes in Russian society in the face of challenges of modern reality]. *The Humanities and social sciences*, 4, 2–10. (In Russian). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-entropiinykh-protsessov-v-rossiiskom-obshchestve-v-usloviyah-vyzovov-sovremennoy-realnosti> (accessed: 12.12.2021).

Информация об авторах / Information about the authors:

Владимир Викторович Васильев — кандидат исторических наук, доцент, декан факультета педагогики и психологии Самарского филиала МГПУ.

443081, Россия, Самара, ул. Стара-Загора, д. 76

Vladimir Viktorovich Vasiliev — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Pedagogy and Psychology of the Samara Branch of Moscow City University.

443081, Russia, Samara, ul. Stara Zagora, d. 76

E-mail: Vasilev-429@mgpu.ru

Галина Ефимовна Козловская — директор Самарского филиала МГПУ, доктор исторических наук, профессор.

443081, Россия, Самара, ул. Стара-Загора, д. 76

Galina Efimovna Kozlovskaya — Director of the Samara Branch of Moscow City University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

443081, Russia, Samara, ul. Stara Zagora, d. 76

E-mail: KozlovskayaGE@mgpu.ru